

25.11.2015

«Удар в спину»: чего ждать от Турции после сбитого Су-24

Павел
Шлыков

Сбитый Су-24 означает крушение прежней модели российско-турецких отношений, выстраиваемой с 2000-х годов на политическом доверии лидеров, экономической заинтересованности и межкультурном взаимопонимании. Подтверждается и важная закономерность внешней политики Анкары – неизбежный переход от фазы «обнуления проблем» с соседями к «обнулению отношений»

Первые человеческие потери российские ВКС в сирийской кампании понесли не от рук террористов ИГ, а от ВВС Турции – страны, которую Москва с середины 2000-х упорно называла стратегическим партнером, а теперь обвиняет в пособничестве террористам. При этом заявления Анкары о многочисленных предупреждениях, после которых был атакован российский Су-24, выглядят не очень убедительно, а ситуация в целом вызывает ощущение «непропорционального ответа». Турецкие СМИ по горячим следам опубликовали карту со схемой полета сбитого российского самолета, полученную по данным радаров. На ней отчетливо виден двухкилометровый выступ турецкой границы, который якобы пересек Су-24. Едва ли за тот короткий промежуток времени, который требовался реактивному самолету для преодоления этого расстояния, можно было «10 раз предупредить» о нарушении границы. Неслучайно турецкие военные постарались поскорее отказаться от опубликованной карты, списав ее обнародование на несогласованность пресс-службы премьер-министра.

В любом случае непреднамеренное пересечение границы на несколько секунд едва ли подходит под определение сознательного вторжения. Именно на этом строится озвученный президентом Путиным тезис о том, что «российский самолет никак не угрожал Турецкой Республике» и сбитый Су-24 – «удар в спину». Возникает резонный вопрос: зачем все это Турции и почему именно сейчас?

Защита тюркского мира

По времени инцидент с российским самолетом совпал со знаковым событием внутривнутриполитической жизни Турции – наконец было сформировано постоянное правительство, которое не удавалось сформировать с начала июня. Так была поставлена точка в растянувшемся на два с половиной года выборном марафоне (муниципальные – президентские – парламентские – повторные парламентские выборы). Однако главная задача этого марафона – конституционная реформа, предполагающая превращение Турции в президентскую республику, – так и осталась нерешенной.

Досрочные выборы 1 ноября не принесли правящей Партии справедливости и развития (ПСР) конституционного большинства в парламенте, сохранив на повестке дня вопрос парламентской коалиции. Наиболее естественный союзник ПСР – националисты (за их симпатии партия борется не один год). Отсюда и риторика «защиты тюркского мира», которую Анкара активно стала использовать не только в противостоянии с курдами, но и в критике российской операции в Сирии (например, тезис о сирийских туркоманах как главных жертвах российских авиаударов по Сирии). Образ политического лидера, готового пойти на любые шаги в защите национальных

интересов, должен – по мысли Эрдогана – помочь не только повысить популярность среди простых избирателей, но и привлечь на свою сторону «колеблющихся» депутатов из других фракций.

Однако главное в националистической теме Турции – это курдская проблема. Именно сквозь призму курдской проблемы нужно рассматривать многие шаги Анкары. В особенности формат участия Турции в коалиции против ИГ, где на первый план с самого начала вышла борьба с боевиками Рабочей партии Курдистана (РПК). Для Анкары всегда было малопривлекательно особое отношение Вашингтона к сирийским курдам (партии «Демократический союз» и ее боевому крылу, Отрядам народной самообороны), которые фактически выступили союзниками США в борьбе с ИГ.

Несмотря на то что в Турции организации сирийских курдов внесены в список террористических, США придерживаются иной точки зрения. И в турецком правительстве прекрасно сознают, что при всех очевидных связях между РПК и сирийскими курдскими организациями атаки на сирийских курдов – «красная линия» в отношениях с США, которые и так довольно сдержанно выразили поддержку борьбы с РПК, особенно на фоне кампании против легального курдского политического движения внутри Турции.

В этом же ключе и военная кампания России в Сирии всегда вызывала раздражение Анкары, прежде всего тем, что не учитывала интересы Турции. Причем не столько в вопросе свержения Башара Асада, о чем много говорилось в российских СМИ, сколько в вопросе курдов. Гипотетическая коалиция России и Запада в борьбе с ИГ, вероятность которой ощутимо увеличилась после терактов в Париже, лишь усилила опасения Анкары, что дальнейшая борьба с ИГ едва ли будет согласовываться с интересами Турции.

В этих условиях Анкара фактически решила сделать ход конем и попытаться восстановить свое влияние в вопросе борьбы с ИГ, сделав ставку на блоковую солидарность, которая, судя по первым заявлениям генсека НАТО, отчасти оправдалась. Будучи членом НАТО, Турция вправе квалифицировать любой военный инцидент не как проблему Анкары и Москвы, а как вопрос безопасности альянса в целом. Иными словами, военные риски Турции свелись к минимуму, поскольку всем очевидно, что развязывать войну из-за сбитого самолета Россия не будет.

Поражение экономики

И тем не менее сбитый Су-24 – это удар по двухсторонним отношениям, по лидероцентричной модели этих отношений, основанной на взаимном доверии Путина и Эрдогана, на котором и выстраивалась парадигма стратегического партнерства. Поэтому с такой досадой Путин отметил, что после инцидента Эрдоган не связался напрямую с ним, а побежал к своим союзникам из НАТО.

Совместные инфраструктурные проекты в Турции на миллиарды долларов (АЭС «Аккую», газопровод «Турецкий поток»), масштабные турецкие бизнес-интересы в разных городах по всей России, колоссальный туристический поток из России в Турцию – все это долгое время защищало российско-турецкие отношения от политических проблем. Осознание взаимовыгодности партнерства позволяло преодолевать напряженные эпизоды: и инцидент с сирийским пассажирским самолетом, летевшим из Москвы в Дамаск и принудительно посаженным турецкими истребителями в Анкаре в октябре 2012 года, и агрессивную риторику Эрдогана, и заигрывание с крымскими татарами. Даже разногласия по сирийскому вопросу уступали силе экономического прагматизма.

Нынешний инцидент тем не менее выбивается из перечисленного ряда. И жесткое выступление Путина с обвинениями Турции в пособничестве террористам – наиболее очевидный показатель. Поэтому стоит ожидать реального, а не имитационного регресса двухсторонних отношений.

Официально свернуто военное сотрудничество, отменен визит Лаврова в Турцию, под вопросом запланированная на декабрь встреча Путина и Эрдогана в рамках Совета сотрудничества высшего уровня; прошла информация о приостановке переговоров по совместным проектам

(«Турецкий поток», АЭС «Аккую»). Российский МИД уже заявил о нежелательности поездок россиян в Турцию, ряд туроператоров поспешили объявить о прекращении отправки российских туристов на турецкие курорты (хотя в Турции сейчас уже мертвый сезон).

С одной стороны, эти меры не выглядят долговременными и предполагают скорое и неизбежное дипломатическое урегулирование. С другой – о том, что трагический эпизод с Су-24 может стать началом дальнейшей эскалации в отношениях, можно судить по заявлениям российского Генштаба. «Дополнительные меры по обеспечению безопасности», о которых на пресс-брифинге объявил генерал Сергей Рудской, предполагают не только действия ударной авиации под прикрытием истребителей и размещение у берегов Латакии крейсера «Москва» с новейшими ПВО, но и неизбежность новых инцидентов, жертвами которых могут стать уже не российские самолеты.

В целом можно говорить о завершении золотого периода российско-турецкой дружбы, когда прагматизм взаимной заинтересованности позволял Москве и Анкаре сглаживать острые углы политических и экономических отношений, минимизируя отрицательное воздействие нестабильной международной конъюнктуры. Придется пересмотреть и основы двухстороннего партнерства – в условиях растущей напряженности прежние ценности взаимного доверия, экономической заинтересованности и межкультурного взаимопонимания серьезно девальвируются.

Павел Шлыков – доцент Института стран Азии и Африки МГУ

Источник <http://carnegie.ru><http://carnegie.ru/commentary/2015/11/25/ru-62087/imbg>